

***Не проповедовать, но стать монастырем
(The Missionary Who has to Become a Monastery)***

*Хоть нет у нас той силы, что играла
В былые дни и небом и землю,
Собой остались мы; сердца героев
Изношены годами и судьбой,
Но воля непреклонно нас зовет
Бороться и искать, найти и не сдаваться.
Альфред Лорд Теннисон "Улисс"*

Распространённая растущая критика западного лицемерия характеризует мир, в котором мы живем сегодня. Это сильное выражение кризиса либеральной гегемонии. "Сорвите Маски!" -это лозунг с ограниченной привлекательностью в большинстве обществ, пишет историк Шейла Фицпатрик. "Поскольку он основан на предположении, исходя из которого, цивилизация требует некоторую замаскированность. Однако, в революциях это предположение перестает быть верным". Если Фицпатрик прав, мы живем в революционные времена.

Тирады против лицемерия Запада и либерализма в более общем плане можно услышать в разных уголках мира. Цели и задачи этих тирад отличаются друг от друга. Тем не менее одержимость лицемерием - общая черта среди политических субъектов столь разными, как сторонники радикально-левых и радикально-правых в ЕС, президент России Владимир Путин, президент Америки Дональд Трамп, радикальные исламисты на Ближнем Востоке и антиимпериалисты в Латинской Америке.

Каковы источники этой гиперчувствительности к лицемерию? Заключается ли проблема в асимметрии власти, делающей относительно менее влиятельные государства и общества особенно чувствительными к нарушению правил «большими мальчиками»? Либо в склонности США и ЕС в десятилетия после окончания холодной войны, в большей степени, чем любая другая мировая держава, регулярно ссылаться на универсальные принципы для оправдания их поведения во внешней политике? Либо в осознании того, что универсализм Запада может быть использован в качестве оружия против самого же Запада?

Либеральный порядок в условиях кризиса

10 декабря 1948 года международное сообщество, потрясенное ужасами Второй мировой войны, приняло Всеобщую декларацию прав человека. Из пятидесяти восьми государств-членов Организации Объединенных Наций сорок восемь проголосовали за декларацию, восемь воздержались (Советский Союз и его восточноевропейские союзники, а также плюс Саудовская Аравия), а двое не проголосовали.

В 1948 году мир был гораздо менее либеральным, чем сегодня, и концепция прав человека не была популярна среди мировой общественности. Тем не менее, было бы

неудивительным мнение, что, если Всеобщая декларация 1948 года была бы выдвинута на голосовании в ООН завтра, шансы на ее утверждение были бы очень малы. Судьба Глобального договора о миграции - это недавняя неудача, придающая таким предположениям правдоподобность.

В 1948 году либеральный порядок стал нормативным горизонтом; сегодня это оспариваемая гегемония. Буквально вчера было принято считать лицемерие необходимым дополнением любого универсалистского проекта. Теперь лицемерие считается ахиллесовой пятой доминирующего над западом либерального порядка.

В апреле 2017 года, спустя почти семьдесят лет после принятия Всеобщей декларации прав человека, в Университете Торонто состоялись широко освещаемые дебаты между двумя видными общественными интеллектуалами по вопросу о том, закончился ли либеральный порядок.

Ответом профессора истории Нила Фергюсона был однозначное “да” по двум причинам. Во-первых, утверждал Фергюсон, основным бенефициаром либерального порядка оказался коммунистический Китай, в меньшей степени образец либерализма или его заступник. Китай использовал глобализацию под руководством Америки для создания собственной экономической и военной мощи при сохранении своей авторитарной системы. Вторым аргументом Фергюсона заключался в том, что главным достижением либерального порядка было уничтожение западного среднего класса, который был основной опорой либерального порядка более полувека. Свободная торговля и глобализация привели к росту среднего класса на глобальном юге и одновременно к деиндустриализации и сжатию среднего класса на западе. По мнению Фергюсона, либеральный порядок был не чем иным, как соглашением между элитами о поощрении глобализации и популистским восстанием в Европейском союзе и США, которое привело к Brexit и избранию Дональда Трампа. Все перечисленное служит лучшей демонстрацией того, что простые люди на Западе теперь чувствуют себя скорее жертвами либерального порядка, а не его бенефициарами.

Американский комментатор Фарид Закария выразил свое принципиальное несогласие с Фергюсоном. Либеральный порядок может быть в кризисе, признал Закария, но, несмотря на его недостатки, нам лучше с ним, чем без него. Он продолжил утверждать, что успех либерализма в значительном уменьшении насилия и бедности в мире однозначно показывает, что никакой существенной альтернативы либеральному порядку не существует. Для Закарии Brexit и вместе с тем резистентность ЕС - свидетельство того, что «дуга истории гнется медленно и зигзагообразными путями и изгибами», но в целом «она движется по направлению к большей степени свободы».

Большинство преимущественно молодой либеральной аудитории в Торонто сочли аргументы Закария более убедительными, чем аргументы Фергюсона. Однако в других городах мира, в тех местах, где продолжаются насилие и нищета, убедить людей в том, что мир движется к большей свободе, было бы значительно сложнее.

Версия либерального порядка после холодной войны характеризовалась четырьмя основными предположениями, ни одно из которых до недавнего времени не

оспаривалась крупными державами. Во-первых, свободная торговля выгодна, а экономическая взаимозависимость - источник безопасности; во-вторых, человек имеет права просто потому, что он человек; в-третьих, демократия - такая же отличительная черта нашего мира, как путешествия на самолете и Интернет; и в-четвертых, существующие международные институты обеспечивают функциональную основу для разрешения споров о торговле и политике без применения силы. Все эти четыре предположения сейчас под вопросом. Они были интеллектуально и политически оспорены государствами внутри и за пределами Запада.

Вопрос заключается в том, является ли лицемерие данью, которую порок обычно платит добродетели, или обвинения в лицемерии стали инструментом уничтожения господствующего на Западе либерального порядка в отсутствие явной альтернативы ему?

Нелиберальные государства, такие, как Китай и Россия, оспаривают господство Запада, но делают это, нарушая правила либерального порядка, а не предлагая четко сформулированные нормативные альтернативы. Более того, когда это в их интересах нелиберальные государства позиционируют себя в качестве защитников международных институтов и глобальных товаров вместо того, чтобы предлагать им альтернативы. В качестве примера можно привести поддержку Китаем и Россией Парижского климатического соглашения, Всемирной Торговой организации и Глобального договора о миграции перед лицом несогласия с США.

В то же время либеральные нормы оспариваются в западных обществах растущими популистскими партиями и особенно администрацией Трампа, которая определила приверженность Америки либеральному порядку как главную уязвимость страны в современном мире. Будучи когда-то либеральным гегемоном, США решили сохранить свою власть, свергнув либеральные нормы, на которых была основана их гегемония, и в результате Вашингтон принял риторику «Сперва Америка», чтобы оправдать свою политику. В свою очередь, это предопределило международную политику как игру с нулевым исходом. Эта радикально изменившаяся международная обстановка представляет собой особую угрозу для Европейского Союза.

Как ЕС должен действовать и говорить в такой ситуации, имея в виду, что наднациональный политический проект ЕС зависит от существования международного либерального порядка, и что либеральный интернационализм и мультилатерализм являются родным языком ЕС? Как ЕС должен реагировать на эскалацию обвинений в лицемерии, когда кто-то осмеливается говорить о ценностях? Могут ли ЕС и Запад в целом сохранить свой универсализм во времена, когда его власть находится в относительном упадке?

В начале 21-го века, опьяненный своими собственными инновациями, ЕС имел тенденцию рассматривать свой опыт как мирная и пост-национальная Великая держава, как лабораторию для будущего мира. Европейцы рассматривали себя как будущее, а других - как прошлое. Но в последнем десятилетии европейцы постепенно осознали,

что, хотя политическая модель ЕС и заслуживает восхищения, она вряд ли станет универсальной или даже распространится на многих в ее непосредственном соседстве.

Сейчас некоторые европейцы предвидят сценарий, похожий на недавнюю судьбу японских технологических компаний. Несколько лет назад эти компании осознали, что, несмотря на тот факт, что Япония делала лучшие 3G-телефоны во всем мире, они не смогли найти глобальный рынок, потому что остальная часть мира не могла догнать технологические инновации для использования этих «совершенных» устройств. Это стало известно, как японский «Галапагосский синдром». Вместо того, чтобы быть слишком «большими», чтобы обанкротиться, японские телефоны стали слишком совершенными, чтобы преуспеть. Десятилетие назад именно Европа столкнулась со своим «Галапагосским моментом». Возможно, что постмодернистский порядок в Европе стал настолько продвинутым и специфичным для окружающей среды, что для других следование ему стало невозможным. Он развивался в защищенной экосистеме, защищенной от более мускулистого, «современного» мира, в котором живет большинство людей.

Но после роста популярности у популистских партий в Европе стало ясно, что даже «Галапагосское объяснение» утратило свою силу. Европейская модель потеряла свою привлекательность не только за пределами Европы, но и для многих в европейском обществе. Что мы наблюдаем сегодня в Европе, - это изменение духа времени. Если до вчерашнего дня большинство европейцев с оптимизмом смотрели на влияние глобализации на их жизнь, то теперь они боятся будущего глобализованного мира. Первоначальная эйфория, возникшая в результате падения стен в 1989 году, сменилась беспокойством и потребностью в строительстве новых заборов. Взаимозависимость, однажды объявленная источником безопасности, стала основным источником отсутствия безопасности.

Это признание того факта, что порядок после окончания "холодной войны" закончился, и что мы живем в новом мире, который заставил нас участвовать в проекте "Лицемерие, анти-лицемерие и международный порядок". В течение трех лет мы посетили Грецию, Россию, Турцию и Соединенные Штаты, пытаюсь понять источники нынешней волны обвинений в лицемерии либерального порядка. Мы предприняли наше исследование в предположении, что лицемерие Запада реально. Западные державы полагаются на двойные стандарты. США просят африканских лидеров принять решения Международного уголовного суда, но отказываются присоединиться к нему. Точно так же трудно спорить с утверждением президента Путина о том, что резолюция ООН по Ливии едва ли разрешила Западу свергнуть Каддафи. Но хотя мы прекрасно осознавали несостыковку внешнеполитических практик Запада, мы склонны рассматривать его двойные стандарты как трагический факт жизни, а не как предпочтительную стратегию правления Запада после окончания холодной войны. В то же время мы испытываем сильное подозрение, что довольно часто критики западного лицемерия движимы не столько своей преданностью либеральным нормам, сколько их единственным стремлением подорвать их.

Мы попытались понять множество вопросов. Одним из них является анти-лицемерная риторика Греции, страны, являющейся членом ЕС, где подавляющее большинство населения считает, что Греция подверглась несправедливому обращению со стороны ЕС во время финансового кризиса. Турция, с одной стороны, раздираемая готовностью значительной части общества видеть, что их страна становится членом ЕС, все же сталкивается с нежеланием многих европейцев принять мусульманскую страну в Европейском Союзе. С другой стороны, в Турции правят политики, которые хотят, чтобы страна была суверенной региональной державой. Есть Россия, где лицемерие и двойные стандарты рассматриваются как сущность западной власти, ее способ управлять миром, и где элиты, которые некогда обвиняли себя в наивности в 1990-х годах, теперь хвалят себя за то, что они являются мастерами обмана. И есть Соединенные Штаты во главе с президентом, который рассматривает страну как самую большую жертву либерального порядка, который он создал.

Во всех этих местах чувствительность к лицемерию либерального порядка является подлинной и довольно громкой. Различия между этими местами также очень очевидны. В Греции тирады против лицемерия были не просто выражением разочарования по поводу отсутствия солидарности других европейцев, но и стратегией применения давления на Брюссель. В Турции нескончаемое обвинение в лицемерии Запада было не только выражением глубокого негодования, а также стратегией обвинения в провале вступления Турции в ЕС исключительно на европейцев. В России риторика против лицемерия отражает подлинное разочарование элит тем, как к их стране относились в период после холодной войны; в то же время — это стратегия Кремля по делегитимизации либерального порядка.

Визит в США не был частью нашего первоначального плана, но политические изменения там оказали драматическое влияние на наш проект, потому что, хотя президента Трампа можно обвинить во многих вещах, либеральное лицемерие не является одним из них.

Анти-лицемерие как оружие

Если британский политический философ Дэвид Раникман прав, идея лицемерия уходит корнями в театр. Первоначальные «лицемеры» были классическими актерами сцены, а греческий термин «*Нурокриси́с*» означал исполнение роли. В типичном словаре термин «лицемерие» будет определяться как «притворное изображение добродетельного характера, моральных или религиозных убеждений, или принципов и т.д., которыми на самом деле изображающий не обладает». Короче говоря, «лицемер» - это тот, кто скрывает свои пороки, маскируя их фиктивными добродетелями.

В своей замечательной книге «Обыкновенные пороки» американский философ Джудит Шкляр утверждает, что мы не должны столь резко критиковать «*Нурокриси́с*», потому что это необходимый элемент в любом либеральном обществе, в любом обществе, которое говорит о ценностях. По ее мнению, это также непривлекательная, но неизбежная особенность международных отношений. В то же время, критиковать лицемерие также сложно, потому что в политике почти невозможно критиковать лицемерие, не попадая

в ловушку роли критикуемого. Когда дело доходит до лжи в международной политике, говорит политолог из Чикагского университета Джон Миршаймер, государства лгут друг другу гораздо меньше, чем мы ожидаем. И когда речь заходит о внешнеполитических решениях, правительства чаще лгут своему народу, чем иностранным правительствам. Миршаймер отмечает, что, вопреки нашей интуиции, демократические правительства склонны лгать чаще, чем их авторитарные коллеги. Основная причина в том, что демократические правительства, нуждаются в общественной поддержке своей внешней политики гораздо больше нежели их авторитарные коллеги.

Чтобы понять, каким радикальным образом функционирует дискурс против лицемерия сегодня, мы должны помнить, что не так давно Запад был самым ярким критиком лицемерия в международной политике. Американцы и европейцы жестоко осудили авторитарные правительства за подписание договоров, которые они не собирались выполнять, и за провозглашение верности ценностям, которые они отвергали. Но в то время как европейские правительства поспешили обвинить в лицемерии новообращенных, они также признали, что тот факт, что авторитарные правительства чувствовали себя обязанными создать «либеральный диалект», был одним из главных достижений либерального порядка. В своей недавней книге «Железная клетка либерализма» политолог Даниэль Риттер убедительно демонстрирует, что авторитарные режимы, которые были наиболее тесно связаны и поддержаны Западом и которые больше всего вкладывают средства в фальшивую демократию, - это те режимы, где невооруженные революции наиболее вероятно быть успешным.

Эпоха после холодной войны была миссионерским миром. «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы рассматривался как «эпоха подражания», когда западные либеральные институты были единственной моделью, достойной подражания. Но для таких стран, как Путинская Россия, Турция Эрдогана или Иран, эпоха подражания была эпохой лицемерия. В последнем десятилетии они обвиняли Запад в следующем:

- Высокомерно навязывая свою социальную и политическую модель как универсальную норму.
- Использование языка либеральных ценностей для того, чтобы прикрыть свои амбиции гегемонистской власти.
- Избирательность в своей критике не либерализма в зависимости от экономических и военных интересов Запада.

Греки и Турки, как наиболее возмущенные избирательным характером вмешательства Запада в защиту демократии или финансовых правил ЕС. Кремль в основном возмущен использованием либеральной риторики Запада для прикрытия своих геополитических интересов. Но с течением времени и Москва, и Анкара бросили вызов самому требованию Запада представить универсальную норму, которой должны следовать другие.

Лицемерие западных лидеров, рассказывающих миру о высоких ценностях, в то время как их мотивируют корыстные геополитические интересы, стало одной из навязчивых идей России. Так называемый «либеральный международный порядок», по мнению

Москвы, был не более благородным, чем проекция желания Америки господствовать во всем мире. Западный универсализм был просто прикрытием для западного партикуляризма. Америка, в частности, замаскировала расширение своей сферы влияния как расширение границ свободы. Что Запад отмечал как народные демократические революции, было просто спонсируемым Западом государственными переворотами.

Хотя риторика против лицемерия имеет свои обоснованные аргументы, одним из наших главных выводов является то, что риторика против лицемерия, использованная как оружие, частично ответственно за нынешнее жалкое состояние международных дел. Существует резкое различие между разоблачением лицемерия для поддержания ценности (что мы видели в Греции) и разоблачением лицемерия для уничтожения ценности (что мы видели в России).

То, что нынешние крестоносцы против лицемерия склонны упускать, - это то, что лицемерие часто является методом предотвращения конфликтов. Мы скрываем убеждения, которые могут быть оскорбительными. Следовательно, нападения на лицемерие часто являются приглашением к конфликту; Анти-лицемерие может быть даже объявлением войны.

Сосредоточившись на лицемерии Запада, Россия фатально подорвала доверие между Россией и Западом. По мнению Кремля, лицемерие является ключом к разгадке внешней политики Запада.

Другие объяснения неспособности Запада оправдать свои собственные идеалы - такие как плохое планирование, путаница, наивность, самообман и отсутствие координации на западной стороне - стратегически занижены, чтобы подчеркнуть принципиальное недобросовестность Америки. Разоблачение лицемерия косвенно приписывает злонамеренность противнику. Отличать общественные оправдания от скрытых мотивов - это только здравый смысл. Но фокусирование догматический и одержимо на этом различии, как и Россия, кажется, делает, делает невозможным прийти к какой-либо разумной политике, направленной на снижение напряженности и повторное укрепление доверия между Россией и Западом.

Полагаясь на разоблачение лицемерия врага для оправдания своих агрессивных действий, можно атаковать существующий мировой порядок, не предлагая никакой позитивной альтернативы. Но это не формула для трезвой внешней политики, основанной на правильном понимании действий и мотивов другой стороны. Вместо этого это увеличивает риски опасных катастроф.

Использование лицемерия как оружие разрушает нормативную основу либерального порядка, предлагая не альтернативный нормативный порядок, как это было во времена холодной войны, а исключая возможность внешней политики, основанной на ценностях.

В этом смысле интересно сравнить критику президента Путина и президента Трампа в отношении внешней политики США после окончания холодной войны. Они оба

являются жесткими критиками этой политики, но характер их критики различен. В то время как Путин обвинил президента Джорджа Буша-младшего в том, что он вторгся в Ирак по соображениям власти, когда говорил о продвижении демократии, Трамп обвинил Буша в том, что он вторгся в Ирак с целью самообмана - освободить иракский народ - вместо простого захвата Иракской нефти.

ЕС как монастырь

Какой должна быть политика государственного деятеля, который хочет сохранить нормативную силу либеральных ценностей в мире, где великие нелиберальные державы вооружились «западным лицемерием», а нынешняя американская администрация считает язык ценностей признаком глупости и слабости? Как ЕС должен действовать и говорить в этом новом мире, в котором другие обвиняют вас в лицемерии не потому, что они хотят, чтобы вы отстаивали ваши ценности, а потому, что они презирают эти ценности.

Стратегия, наиболее популярная сегодня среди европейских лидеров, имеет два аспекта: во-первых, она игнорирует поворот к антилиберальным настроениям, рассматривает его как отклонение от нормы и ждет, когда Америка вернется к своему либеральному самосовершенствованию, как только Трамп покинет свой пост; и во-вторых, она делает ставку на исчерпание привлекательности нелиберальных политических актеров. На наш взгляд, эта стратегия является рискованной. У нас есть много причин полагать, что даже после того, как Трамп покинет свой пост, США не будут использовать свою роль лидера либерального мира и гаранта либеральной системы. Что еще более важно, США столкнутся со многими ограничениями, играя эту роль, потому что, по мнению многих, Трамп нанес серьезный ущерб американскому бренду. Как показывает опрос 2019 года, проведенный по заказу ECFR, США воспринимаются как угроза безопасности, а не как союзник значительной части европейских обществ. Больше немцев и австрийцев боятся США, чем Россию или Китай.

Стратегия ЕС по адаптации к новому сложному миру также обречена на провал, если он попытается превратиться в союз двадцати семи суверенных национальных государств, говорящих на языке национальных интересов. ЕС не может функционировать как антилиберальный проект. Он не может говорить на языке национального интереса так, как это могло бы сделать традиционное национальное государство. Либерализм является родным языком ЕС. И даже крупные государства-члены ЕС слишком малы, чтобы оказывать реальное влияние на глобальном уровне.

На наш взгляд, единственный способ выжить для ЕС как либерального субъекта во все более нелиберальной среде - это превратиться из миссионера, который хочет формировать мир по своему собственному образу, в монастырь, который сосредоточен на защите исключительного характера его политического проекта. Мы понимаем, что «монастырь» - это особенно хитрая метафора, применяемая к самой светской части мира. Это также сложно, потому что в мире существует множество монастырей. И это непросто, потому что интеллектуальный кризис современного либерализма делает контрпродуктивным позиционирование себя как стража вчерашнего мира.

Либеральному монастырю понадобятся новые святые. Во-вторых, у монастырей есть ограждения, и вопрос об отношениях Европы с остальным миром поднимает множество сложных вопросов не только о роли границ, но и о роли власти. Могут ли монастыри процветать, если они не защищены властью? И могут ли они сохранить веру в обоснованность своего исключительного правления без стремления сделать его менее исключительным? Но для нас метафора монастыря привлекательна тем, что позволяет европейцам надеяться изменить мир, действуя и говоря по-другому в мире. Монастырь - это миссионер, который ждет, когда придет время снова.

Как будет выглядеть такая стратегия?

Когда ЕС поднимает вопросы прав человека в своих беседах с Китаем, он должен прояснить свои ожидания: он не пытается изменить китайский взгляд на мир, а вместо этого сохраняет собственный исключительный характер. В этом смысле поведение Китая в первые посткоммунистические десятилетия могло бы стать интересной моделью для подражания. Китай приспособился ко многим глобальным тенденциям, которые сформировали мир после холодной войны, но он защищал роль марксистского языка и Коммунистической партии в Китае как способа сохранить свою государственную идентичность. В посткоммунистические десятилетия Китай действовал с полным осознанием того, что некоторые из предположений, в которые он верил, оказались неверными, но в то же время он сделал китайский коммунизм определяющей характеристикой его исключительности. ЕС должен сделать то же самое в отношении либерализма. Мы могли бы быть уничтожены, если бы мы выступали в роли хранителя существующего положения, которого больше нет, но мы должны сделать либерализм определяющей характеристикой Европы, независимо от того, что происходит в США.

Другими словами, если до сих пор ЕС был охарактеризован идеей универсальности своих ценностей и институтов, в будущем он должен резко подчеркнуть свою исключительность. Если раньше он гордился неопределенностью природы своих границ, то теперь ему придется исправить свои границы. Отличительная природа монастыря заключается в том, что, хотя он надеется повлиять на мир за его дверями, он осознает, что живет не в том же нормативном пространстве, что и внешний мир. Он изолирован от мира, и между монастырем, и внешним миром существует четкая граница. Сосредоточиться на исключительном характере ЕС - единственная стратегия, которая будет поддерживать внутреннюю сплоченность союза, одновременно выступая в качестве альтернативы растущим не либеральным тенденциям.

ЕС должен определить себя как монастырь в мире греха, монастырь, который является экономически сильным, с вооруженными силами, достаточными, чтобы сохранить свою автономную роль и образ жизни, но который пытается преобразовать других только на примере самого его существования.